

УДК 111.7

Онтологический фундамент творчества в контексте философии конфуцианства

Качай Илья Сергеевич

Ассистент,
кафедра философии,
Сибирский федеральный университет,
660041, Российская Федерация, Красноярск, просп. Свободный, 82-А;
e-mail: monaco-24-Ilya@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена комплексному исследованию онтологической сущности творчества в рамках конфуцианской философской традиции. Основное содержание работы составляет философский анализ древнекитайской «Книги Перемен» («И цзин»), синкретического трактата «Люйши чуньцзю» («Вёсны и осени господина Люя») и труда Кун Фу-цзы «Беседы и суждения» («Лунь Юй»). В статье выделяются и описываются характерные признаки творчества с точки зрения различных конфуцианских мыслителей и рассматриваются ключевые этапы созидательного становления сущего. В работе обнаруживается тесная онтологическая и антропологическая взаимосвязь между основными акциденциями Неба, представляющего важнейшим созидательным древнекитайским истоком космоса, этапами осуществления процесса миротворения, а также ключевыми личностными качествами совершенномудрого человека. Особо пристальное внимание уделяется выявлению онтологической сущности конфуцианских концептов Творчества, Исполнения и Жизнетворной Силы, а также определению антропологического и этического статуса благородного мужа, являющегося главным субъектом творчества в рамках философской традиции конфуцианства. Обосновывается мысль о том, что в пространстве философии конфуцианства творчество предстает глубоко имманентным бытию, поскольку выражает процессуальность сущего. Автор приходит к выводу, что понимание созидания раскрывается в конфуцианской традиции в единстве продуктивного и репродуктивного, конструктивного и деструктивного, трансцендентного и имманентного, континуального и дискретного, активного и пассивного аспектов творчества, сообразных акциденциям соответственно творческой небесной сферы Ян и исполнительской земной области Инь. В статье также выясняются особенности человеческого творчества, мыслящегося в качестве следования субъекта творческому самораскрытию небесной сферы Дао.

Для цитирования в научных исследованиях

Качай И.С. Онтологический фундамент творчества в контексте философии конфуцианства // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Том 5. № 5А. С. 12-20.

Ключевые слова

Творчество, исполнение, жизнетворная сила, благородный муж, совершенномудрый человек, бытие, конфуцианство, онтология.

Введение

Феномен творчества – один из самых таинственных вопросов бытия, который можно смело отнести к разряду вечных вопросов философии. Проблема творчества вызывала интерес многих выдающихся мыслителей различных философских школ, течений и направлений на протяжении всей истории философии начиная с древнейших времен и заканчивая современным этапом историко-философского развертывания. Колоссальное разнообразие подходов к осмыслению феномена творчества, выработанных в различные исторические эпохи, связано с акцентированием онтологической, гносеологической, аксиологической, праксиологической, этической, эстетической, социальной и антропологической природы творчества. Однако онтологическая детерминанта творчества является тем фундаментом, опора на который позволит выявить сущность творчества и наиболее полно раскрыть остальные его аспекты, поскольку творчество априори имманентно онтологической проблематике, ведь «творчество – высшая форма универсально понимаемой креативности, имманентно присущая всем уровням иерархии бытия» [Христенко, 2011, 186].

Сущность и этапы Творчества («Цянь») и Исполнения («Кунь») в древнекитайской «Книге Перемен» («И цзин»)

В пространстве конфуцианской философской традиции онтологическая природа творчества наиболее полно раскрывается в «Книге Перемен» («И цзин»), утверждающей процессуальность космоса, изменяющегося посредством диалектической игры взаимопроникающих, взаимопреодолевающих и взаимодополняющих бытийных начал *Ян* и *Инь*. Созидательное становление бытия осуществляется путем онтологического круговорота активного и пассивного, мужского и женского, светлого и темного принципов, символически представленных в гексаграммах соответственно *непрерывными* и *прерывистыми* линиями. Подобного рода амбивалентное понимание онтологической сущности творчества дополняется триграммами «Цянь» и «Кунь», первая из которых обозначает *Творчество* и отождествляется с *Небом*, соотносясь с *внутренним* бытием и областью всего *грядущего*, а вторая трактуется как *Исполнение* и уподобляется *Земле*, коррелируя с *внешним* миром и сферой всего *отступающего*. Действительно, согласно конфуцианской философской традиции,

«в художественном процессе сталкиваются два начала, которые не существуют сами по себе, а взаимодействуют, выявляясь с большей или меньшей силой в творчестве художника» [Данзанова, 2013, 30].

Говоря о символе «Цянь», обозначающем Творчество, следует обратить внимание на тождественность последнему свойствам небесной сферы, которая предстает в качестве генерализирующего, порождающего фундамента сущего и образно трактуется древнекитайской традицией как инспиратор судьбы. Такая универсальная творческая сила, обладающая крепостью и стойкостью, априори не может быть ограничена никакими противодействиями на пути своего созидательного развертывания. Однако для того чтобы на глубинном уровне осознать порождающие интенции Творчества, необходимо рассмотреть шесть онтологических ступеней его последовательного раскрытия в бытии.

Смысл первой ступени заключен в недеятельном выжидании, предвещающем осуществление созидания. На втором уровне Творчество являет себя бытию. Третья стадия характеризуется кризисом из-за необходимости окончательного выхода из собственной самости и реализации себя вовне. Четвертая фаза выражается в полновесном прорыве в творческую бездну. Лишь на пятой ступени Творчество достигает кульминационного развития, становясь абсолютно самодостаточным. Шестая стадия фиксирует финальный момент творческой активности, после которого порождение нового бытия становится невозможным.

Символ «Кунь», означающий *Исполнение* и предстающий антагоничным творческому началу «Цянь», является податливой онтологической средой, необходимой для актуализации исходного творческого принципа. При этом гексаграмма «Кунь», относящаяся к сфере Земли, все же обладает активными силами, нужными для Исполнения созидательных указаний «Цянь» во избежание обретения ложного пути развития. Однако Исполнение не должно вступать в соперничество с силами Творчества, а обязано покорно и безучастно принимать свою судьбу. Для всестороннего понимания онтологической сути Исполнения необходимо осуществить философский анализ шести ступеней его развертывания в пространстве космоса.

На первой ступени Исполнение находится в эмбриональном состоянии, незаметно проявляя активность. Вторая стадия продолжает эволюционное становление Исполнения. На третьем этапе возникает кризисное состояние, призывающее повременить с явлением Исполнения своей сущности миру. В рамках четвертой стадии Исполнение продолжает испытывать последствия кризиса. Только в рамках пятого этапа становится возможным внешнее выражение Исполнения, вынужденного занимать необходимое место по отношению к Творчеству. Наконец, шестая фаза развития Исполнения фиксирует крайнее состояние, когда, не проявив необходимой стойкости и чрезмерно разившись, темное начало вступает в конфронтацию со светлым принципом, а Небо начинает конкурировать с Землей.

Таким образом, онтологический процесс возникновения, формирования и развития бытия с его последующим исчезновением не может осуществляться вне гармоничного взаимо-

действия противоречивых начал Творчества и Исполнения. В этой связи нельзя не обратить внимания на утверждаемое в «Книге Перемен» диалектическое взаимодействие *гармонии* и *хаоса*, последний из которых являет собой бесконечный созидательный материал, благодаря которому становится возможным воспроизводство новых бытийных циклов, каждый раз начинающихся с творческого импульса: «Так, здесь, в пределах мрака и хаоса, внутренняя правда сияет, озаряя все вокруг, и в этом указывается возможность дальнейшего проявления света, т. е. творчества» [Конфуций, 2010, 905].

Антропологический пласт бытийного смысла творчества раскрывается в том, что каждый творческий акт дарует человеку возможность избавиться от совершенных в контексте предыдущих созидательных действий ошибок, поскольку с наступлением нового цикла все творится заново. Тем не менее человек рано или поздно обязан «выйти из своего гармонического развития и, сознательно нарушив эту гармонию, двинуться в хаос, ибо в хаосе он находит свободу для своего творчества» [там же, 902]. При этом если человек не успел вовремя заняться творчеством, то единственной возможностью утешения для него предстает так называемый «спокойный пир», для осуществления которого субъект должен постоянно оберегать свою внутреннюю правду, поскольку «творческое бытие – это собственное созидание ценностей своей жизни; ...это жизнетворчество, духовное меценатство; сопоставление себя с «живым образом должного пути»» [Гумерова, 2005, 63].

Стоит отметить, что творческому принципу «Цянь» имманентны четыре онтологические акциденции Неба: *величие*, *всепроницательность*, *долг* и *верность*, явственно иллюстрирующих бытийную укорененность Творчества, представляющего здесь главным свершением, чистой силой света и истоком всего сущего. При этом квартет указанных атрибутов соответствует четырем стадиям развертывания созидательного процесса, которые можно охарактеризовать как *импульс* (исходная онтологическая точка зачатия мироздания), *развитие* (всеобщее пронизывание бытия творческим импульсом), *оформление* (выявление и определение сущего) и *стойкость* (незыблемость, крепость и нерушимость порожденного бытия). Онтологическая сущность творчества раскрывается и в антропологическом ключе, поскольку совершенномудрый человек не может жить, не сообразуясь с «Цянь», т. е. не актуализуя в себе эти свойства творчества. Иными словами, творческий субъект обязан поступать в соответствии с внутренним преломлением действий творческого Неба.

Жизнетворная Сила (Шэндэ) как созидательный исток космоса

В контексте синкретического трактата «Люйши чуньцю» («Вёсны и осени господина Люя») ключевой онтологической силой, порождающей все сущее в его многоликости, предстает *Жизнетворная Сила* или *Шэндэ*. Так, летом она актуализируется в огне, осенью – в металле, зимой – в воде, а весной «проявляется в порождении и росте всего живого» [Люйши Чуньцю, 2010, 432]. Внешней манифестацией этого творческого прин-

ципа является действие различных природных стихий, таких как жара, дождь, холод и ветер соответственно, однако следует подчеркнуть, что «такая сезонная жизнотворная сила должна проявляться достаточно стабильно, иначе вещи, чей рост и формирование от нее зависят, «не поверят» в ее доминантную функцию... и не начнут развиваться и расти» [Малявин, 1992, 96].

Таким образом, Шэндэ как генерализирующий созидательный импульс обладает способностью гармонически поддерживать динамическое равновесие мироздания, что, в свою очередь, является неперенным условием для поддержания бытия конкретных вещей. В различных натурфилософских вариациях метафорически отождествляемая то с небесной сферой, то с божественными силами, то с духами природы, Жизнотворная Сила составляет фундамент абсолютно любого онтологического процесса, и в этом смысле всякая вещь обладает существованием лишь до того момента, пока на ней сказывается влияние Жизнотворной Силы.

Благородный муж как конфуцианский творческий субъект

Древнекитайские представления о Небе как онтологическом истоке вечно творящегося бытия разделялись и самим Конфуцием в его трактате «Лунь Юй» («Беседы и суждения»). Действительно, творческое бытие благородного мужа исходит лишь от небесной сферы, ибо «жизнь должна светиться сквозь того, кто свят, как светится кристально-чистый купол небес» [Малявин, 2004, 20]. Так, внимая творческому началу бытия, благородный муж становится способным интегрировать знания и добродетель, обретает возможность оберегать свою внутреннюю правду и, в целом, олицетворяет собой действительность. Однако получив свое бытие от всемогущих творческих сил Неба, благородный муж должен с высшей сознательностью и неотступной волей придерживаться пути познания истины.

Иными словами, совершенномудрый человек обязан преодолевать самого себя, избегая сильных эмоциональных воздействий, и находиться в состоянии внутреннего сосредоточения, что позволяет постигать Дао, тем самым обретая единение с созидательной мощью мироздания, ведь, по словам Конфуция, «...кто утром слышит о пути, тот может вечером и умереть спокойно» [Конфуций, 2010, 31]. Глубина и таинственность постоянного следования вечно развертывающемуся принципу Дао заключена в необходимости созидательного эскапизма с целью возвращения к обновленной жизни, ибо «творчество не столько способствует постижению иного прекрасного..., сколько приводит к сознательному или бессознательному уходу от действительного мира в область того, что этим миром быть не может» [Кочетков, 2007, 151]. С одной стороны, благородный муж как творческий субъект не может породить новое вне кристальной ясности сознания, а с другой – истинная сфера созидания, призванная вернуть человека к естественному, небесному покою бытия, представляет собой бессознательное самоизменчивое «забытие упоительных грез, освобождающее от необходимости что-то знать, кем-то быть» [Малявин, 2004, 19].

Однако не следует думать, что знание и незнание, сознательность и бессознательность здесь жестко противопоставляются друг другу, потому как в контексте творческого процесса бессознательное забытие не предстает как неосознанность действий или невнимательность к миру, а, напротив, является высшим выражением сознательности, активизирующей глубинные пласты творческого мышления. Неспроста подлинным истоком бесконечно осуществляющегося созидательного акта в конфуцианстве принято считать неожиданное отворение глубинных пластов сознания, достичь которого «может лишь тот, кто сумеет «измениться сам», вместить в себя творческое изобилие жизни, возвыситься, умалив свое мелкое, частное «я»» [там же, 33-34].

Иными словами, созидательные интенции благородного мужа, раскрывающиеся как в преобразовании самого себя, так и в порождении нового бытия, неотделимы от неустанного стремления к гуманности, сообразующегося с неослабевающей приверженностью к Дао. Подобного рода благо-творные импульсы одухо-творенного бытия Конфуций именовал принципом Дэ, традиционно ассоциирующимся в китайской культуре с добродетелью, мудростью и творческими способностями. При этом совершенномудрый человек не просто слепо следует Дао, но и принимает активное участие в его творении, а значит и в созидании новых форм бытия. Более того, философ призывает человека к одновременно деятельному и бездейственному духовному самообновлению, к одновременно праздному и возвышенному созерцанию жизненной стихии, к одновременно безначальному и бесконечному соучастию во всеобщем творческом поновлении сущего.

Осуществляя творческое действие, человек наполняет пространство космоса созидательно-волевым импульсом, тем самым обнажая свою сущность, разверзая свою бытийную миссию и устремляясь к свободе, которая требует от него «вновь и вновь определять свое отношение к миру и, будучи верным только себе, быть верным бытию» [Ткаченко, 1990, 52]. Из этого следует, что порождающая активность субъекта в конфуцианском учении осуществляется по модели общемирового творения. При этом сама действительность трактуется в русле ее творческой динамичности, подвижности и изменчивости, а творческий акт субъекта – как потенция его возвращения к обновленному бытию.

Заключение

Таким образом, онтологическая природа творчества в рамках конфуцианской философии развертывается за счет диалектического взаимодействия контрадикторных первоначал Ян и Инь, учреждающих процессуальный характер космоса и последовательно порождающих квинтет первоэлементов, различные сочетания которых образуют тьму вещей. Следует заметить, что если активное мужское светлое первоначало Ян обладает постоянством и целостностью и соотносится с вечной небесной созидающей сферой, то пассивное женское темное первоначало Инь определяется прерывистостью и фрагментарностью и коррелирует с преходящей земной исполнительной областью. Человеческое творчество осмысливается в

качестве действия, сообразного созидательным интенциями Дао, что позволяет субъекту в каждом созидательном акте обращаться к небесной сфере, обретать гармоническое единство с постоянно изменяющимся пространством космоса и возвращаться к истокам вечно нового бытия, ведь «человеческое творчество в рамках открытого мироотношения предстает... как естественное саморазвитие последнего, его углубление, интимизация» [Мочалова, 2011, 61].

Библиография

1. Гумерова Р.В. Творчество как способ бытия // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 286. С. 56-63.
2. Данзанова Е.Ж. Дуализм в китайской и западноевропейской мыслях // Евразийство и мир. 2013. № 1. С. 28-38.
3. Конфуций. Уроки мудрости / пер. с кит. И.И. Семененко и А.А. Штукина. М.: Эксмо, Харьков: Фолио, 2010. 958 с.
4. Кочетков Ф.М. Целостность бытия и творческая активность человека // Вестник Поволжского института управления. 2007. № 12. С. 146-151.
5. Люйши Чуньцю. Вёсны и осени господина Люя / пер. с кит. Г.А. Ткаченко. М.: Мысль, 2010. 525 с.
6. Малявин В.В. Афоризмы старого Китая. М.: Апрель, АСТ, 2004. 416 с.
7. Малявин В.В. Конфуций. М.: Молодая гвардия, 1992. 335 с.
8. Мочалова Н.Ю. Сокровенный мир человека как духовный потенциал экзистенциального творчества // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 30 (245). С. 55-62.
9. Ткаченко Г.А. Космос, музыка, ритуал. Миф и эстетика в «Люйши чуньцю». М.: Наука, 1990. 284 с.
10. Христенко Г.И. Творчество, творческие способности и креативность – как психолого-педагогические категории // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 23. С. 186-189.

The ontological basis of creativity in the philosophy of Confucianism

Il'ya S. Kachai

Assistant,
Department of philosophy,
Siberian Federal University,

660041, 82-A Svobodnyi Avenue, Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: monaco-24-Ilya@mail.ru

Abstract

This article considers ontological essence of creativity according to the philosophy of Confucianism. The author gives a philosophical analysis of an ancient Chinese book the I Ching, or Classic of Changes; the Lüshi Chunqiu, an ancient encyclopedia by Lü Buwei; and the Analects of Confucius. The author describes how different Confucianist philosophers see the characteristics of creativity, the key stages of creating something new. The author shows the ontological and anthropological link between the main accidents of the Sky (ancient Chinese philosophers saw the Sky as the main creating source of the Universe), the stages of cosmogony, the key personal traits of a sage. The author considers the ontological essence of such Confucianist concepts as: Creation, Performance and Life-giving Force, as well as defines the anthropological and ethical status of a junzi ("a gentleman") who is the main subject of creativity according to the Confucianist philosophy. The author argues that for a Confucianist philosopher creativity is immanent to being, because all is process. The author concludes that the process of creating according to the Confucianist philosophy is seen as a unity of productive and reproductive, constructive and destructive, transcendent and immanent, continuous and discrete, active and passive aspects of creativity, corresponding to the accidents of creative heavenly sphere of yang and executive terrestrial area of yin. The author also considers the characteristics of human creativity being understood as the way subject follows the creative self-disclosure of heavenly sphere of the Tao.

For citations

Kachai I.S. (2016) Ontologicheskii fundament tvorchestva v kontekste filosofii konfucianstva [The ontological basis of creativity in the philosophy of Confucianism] *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 5 (5A), pp. 12-20.

Keywords

Creativity, execution, life-giving force, junzi, sage, being, Confucianism, ontology.

References

1. *Confucius. The lessons of wisdom* (Russ. ed.: *Konfutsii. Uroki mudrosti*. (2010) Moscow: Eksmo Publ., Kharkiv: Folio Publ.).
2. Danzanova E.Zh. (2013) Dualizm v kitaiskoi i zapadnoevropeiskoi myslyakh [Dualism in Chinese and Western Philosophy]. *Evrasiistvo i mir* [Eurasianism and the world], 1, pp. 28-38.

3. Gumerova R.V. (2005) Tvorchestvo kak sposob bytiya [Creating as a way to be]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Gazette], 286, pp. 56-63.
4. Khristenko G.I. (2011) Tvorchestvo, tvorcheskie sposobnosti i kreativnost' – kak psikhologo-pedagogicheskie kategorii [Creating, creative skills and creativity in psychology and pedagogy]. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya* [Psychology and pedagogy: methods and practice], 23, pp. 186-189.
5. Kochetkov F.M. (2007) Tselokupnost' bytiya i tvorcheskaya aktivnost' cheloveka [The totality of being and creative activity of a human]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Gazette], 12, pp. 146-151.
6. *The Lüshi Chunqiu* (Russ. ed.: *Lyuishi Chun'tsyu. Vesny i oseni gospodina* (2010) Lyuya. Moscow: Mysl' Publ.).
7. Malyavin V.V. (2004) *Aforizmy starogo Kitaya* [Old Chinese aphorisms]. Moscow: Aprel' Publ., AST Publ.
8. Malyavin V.V. (1992) *Konfutsii* [Confucius]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.
9. Mochalova N.Yu. (2011) Sokrovennyi mir cheloveka kak dukhovnyi potentsial ekzistentsial'nogo tvorchestva [The inner world of a human soul as a way to existential creativity]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Gazette], 30 (245), pp. 55-62.
10. Tkachenko G.A. (1990) *Kosmos, muzyka, ritual. Mif i estetika v "Lyuishi chun'tsyu"* [Cosmos, music, rite. Myth and aesthetics in the Lüshi Chunqiu]. Moscow: Nauka Publ.